

Лара Синельникова

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко

ул. Матросова, 2-а, кв. 10, 91011 Луганск, Украина

Тел.: +050 628 65 77

E-mail: larnics@luguniv.edu.ua

Область научных интересов автора: дискурсология, когнитология, лингвистическая поэтика, паблик рилейнз, нанолингвистика

НАНОЛИНГВИСТИКА: РЕАЛЬНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ

В статье показаны возможности проведения параллелей между современными нанотехнологиями с их нацеленностью на создание сверхмикроскопических конструкций из мельчайших частиц материи и такой гуманитарной наукой, как лингвистика, имеющей широкий спектр объектов в пространстве существования и функционирования языка.

В статье нанолингвистика определяется как междисциплинарная область знания, объектом которой могут быть «наноструктурированные» лингвистические единицы и их когнитивно-дискурсивное поведение, то есть то, что составлено из величин, которые могут быть индексированы как тонкие свойства языковой материи. Наночастицы выявляются в «послойной сборке» объекта интерпретации с учетом его кореферентных связей – происходит интеграция в системы большего масштаба, микромир и макромир оказываются органически связанными. При этом не предполагается отказа от принципа комплементарности: предшествующий опыт интерпретации языковых феноменов стимулирует последующие шаги рассуждений по накоплению знаний о свойствах объекта.

*Автор показал возможности нанолингвистических интерпретационных действий в области современного словообразования; в рассмотрении процессов адаптации заимствований (квазисинонимия, варьирование интерпретаций в условиях новой среды); в оценке политических коммуникаций (принцип экстремально малых воздействий в ситуации *double bind* – «двойной ловушки»); в сенсорной лингвистике (язык перцепции – передача тонких оттенков сенсорного восприятия мира); в авангардной поэзии (поэтическая дисперсность – раздробление «вещества» слова на частицы и их соединение в новые мыслеобразы) и обозначил перспективы развития нанолингвистики.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нанолингвистика, нанотехнологии, размерный эффект, квазиморфемы, коммуникация по типу *double bind*, авангардная поэзия, сенсорная лингвистика, *Nano sapiens*.

In minimis maximus (в мелочах велик)

ЛАТИНСКИЙ АФОРИЗМ

Нанотехнологии и нанонаука – современный научный тренд. *Нано* – область знаний, которая связана с новым

подходом к структуре материи. Любая субстанция устроена неоднородно, пребывает в разных пространственных масштабах. Приставка *нано* (от греч. “*nanos*” – карлик, гном) обозначает размер 10 в минус 9 -й степени (одна мил-

лиардная доля какой-либо величины). Нанонаука и нанотехнологии определяются как междисциплинарная область фундаментальной и прикладной науки и техники, имеющая дело с совокупностью теоретического обоснования, практических методов исследования, анализа и синтеза, а также методов производства и применения продуктов с заданной атомарной структурой путем контролируемого манипулирования отдельными атомами и молекулами; *нанотехнологии* – это технологии манипулирования веществом на атомном и молекулярном уровне (<http://ru.wikipedia>).

«Теперь везде приставка НАНО» (А. Изрина (<http://www.stihi.ru>). Об этом говорит и перечень уже заявленных областей научного знания: *наносоциология, наноистория, наноэкономика, наномедицина, нанофармакология, нанотекстиль, нанопсихология, наноискусство, наноживопись* и многое другое – свидетельства *наноэры*, которая, по мнению специалистов, изменит человеческую цивилизацию и которая, по прогнозам, может наступить к середине XXI века. Появились и «наноскептики», иронически предлагающие «в духе последних техновеяний» изменить словарь, заменив *микроскоп* на *наноскоп*, *микрометр* на *нанометр*, *микрофон* на *нанофон*, *микроавтобус* на *наноавтобус*, *микроб* на *нанооб*, *микробиологию* на *нанобиологию*, *микрофильм* на *нанофильм*, *микрорайон* на *нанорайон* (<http://lj.rossia.org/users/epimetheus/7636.mhtml>).

Спектр оценок нанотехнологических действий велик и противоречив: от веры в чудодейственные возможности решения едва ли не любых проблем («нанопрорыв») до полного непонима-

ния и недоверия к очередной сенсации, занимающей все большее пространство в мире новых научных технологий («нанопурга», «наноистерия»). Иронический дискурс сопровождает номинации *нанобум, наноеда, наноодежда, наномитинг, наносвадьба, наноромантики* («поэты-в минус-девятой-степени»), восхищающиеся мелочами жизни, видящие «бесконечность в чашечке цветка»), *нанодефиле* (рассмотрение деталей одежды под микроскопом – из какого материала, есть ли дополнительная защита от аллергии, как и с каким эффектом соединяются ткани и т.д.), *нанобессмертие* и т. п. Между тем количество номинаций с приставкой *нано* продолжает увеличиваться: *наноквест* – умственно насыщенные игры, строящиеся на «текстовых приключениях», *наноэдуктор* – обучение навыкам исследования нанообъектов и наноструктур, *нанофотография, наноманипуляции* и др.

Мы живем в эпоху взаимодействия разных областей научного знания. Междисциплинарность как координация разных областей знания и их интеграция – один из основных признаков современной науки, многие области которой формируются в условиях динамики научных парадигм. Нанотехнологии относятся к постнеклассической эпохе, в которую над плюрализмом наук надстраивается единство, но в единстве происходит дальнейший рост плюрализма, то есть единство не устраняет плюрализм, равно как не устраняет преемственную смену эпох: от неклассики к постнеклассике (<http://postneklassika.ru>).

Нанотехнологии можно рассматривать в общем контексте с такой набирающей силу областью знания, как

синергетика. Теория самоорганизации включает множество проявлений, каждое из которых имеет проекцию в нанотехнологии: хаос может выходить из порядка, порядок Б из порядка А, порядок из хаоса. Союз гуманитарных наук с синергетикой, синергетическое измерение искусства, поэтическая синергия слова, дискурсивно-синергетический подход к речевой семантике – эти идеи и концепции значимы для философии нанонаук (Алефиренко 2002; Пойзнер 1998).

Есть все основания считать, что внедрение нанотехнологий в интерпретативный механизм лингвистики невозможно без обращения к когнитивным наукам. Когнитология ориентирует на выявление наблюдаемых и потенциальных свойств языка, на установление причинно-следственных связей между языком, психикой и языковым сознанием, на описание способов «упаковки» мысли в слове, тексте, дискурсе. В русле постнеклассических познавательных установок востребовано понимание языка как составляющего сознания, которое, в свою очередь, зависит от характера и скорости протекания социальных процессов. О том, что нанотехнологические идеи не чужды лингвистике, говорится крайне мало, очень осторожно и, как правило, без методологических обоснований и убеждающих примеров, что позволяет считать проблему относящейся к модернизационной парадигме современной гуманитарной науки, многие положения которой все еще находятся в зоне критического дискурса.

Можно отметить интерес к нанотехнологиям в лингводидактике (Нанотехнологии в лингвистике и лингво-

дидактике 2007), переосмысливающей ряд лингводидактических понятий. Так, с помощью нанотехнологий разрабатывается компетентностная модель самопроизводства личности, способной к эффективной межкультурной коммуникации. «Подобно атому, состоящему из ядра и электронов, в межкультурной коммуникативной компетенции выделяются центр и периферия, содержащие как лингвистические, так и культурные компоненты, соотношение которых является чрезвычайно важным для конструирования способности к межкультурной коммуникации» (Ирисханова 2007, с. 15).

К нанотехнологиям обращаются с целью выработки эффективных стратегий обучения языкам и изучения языков. В этом случае применяется правило: управление обучением – управление наноматериалами. Компоненты ошибок рассматриваются на молекулярном и надмолекулярном уровнях через установление различий между интерференцией и транспозицией. На языке квантовой механики теория слабого ядерного взаимодействия ведет к отклонениям и нарушениям разного рода – интерференции, а теория сильного ядерного взаимодействия – к транспозиции. Целенаправленно оперируя лингвистическими атомами, можно выйти на создание точечной методики обучения иностранным языкам (Кирий, Рогозная 2009).

Отсутствие словаря нанолингвистических терминов объясняет использование понятий, созданных в технически ориентированных нанонауках (в нашем случае знаком такого рода заимствований является закавыченность заимствованных терминологических номинаций).

Это подтверждает активность процесса взаимодействия наук – *лингвистической методологии* как междисциплинарной деятельности, системной «аренды» релевантных познавательных концептов (Пойзнер, Соснин 2008), но не исключает в будущем необходимости упорядочивания терминологического аппарата, определения круга лексических единиц, входящих в семантическое поле нанолингвистики.

Назовем возможные направления нанолингвистических интерпретаций.

Новации в словообразовании, когда происходят действия не с веществом (словом), а с его составными частями, то есть осуществляется «поштучная сборка веществ из отдельных атомов». «Новая сборка», которая по большей части осуществляется в СМИ и в рекламных текстах, способствует переходу окказиональной словообразовательной структуры в мислеобраз на основе создания новой референтной основы: *МОРаторий*, *удоVOLVствие*, *ТвойДоДыр*, *хультура* (культура и халтура), *апофигей* (апофеоз и пофигизм), *шоУБИзнес*, *фаберЛЖЕ* и под. Такого рода словообразовательный «менеджмент» находится в русле характерного для нашего времени клипового мышления (одно из значений английского слова *clip* – нарезка) и способствует трансформации традиционного для лингвистики понятия «внутренняя форма слова»: меняется представление о так называемом генетическом уровне национального языка (особенно значимы в этом случае новообразования, составленные из морфем разных языков). Такого рода «сборку молекул» мы называем биологическим парадоксом (Синельникова 2005). Трансформации этимологической

реальности под особым углом зрения рассматриваются в криптолингвистике (Базылев 2010). К криптолингвистике относятся опыты любительской реконструкции протоязыка через собственное объяснение этимологии слов (например, этюды М. Задорного). Большинство словообразовательных новаций квалифицируется лингвистами как лингвокреативная деятельность, языковая игра (Ильясова 2002). Нанолингвистический подход ориентирует на внимание к тому, как образуется новое «вещество» на основе специфического пространственного размещения морфем и квазиморфем по принципу калейдоскопа, мозаики. К механизмам образования нового слова можно отнести выбор месторасположения морфемы (предпочтение отдается «сильной» позиции в слове – имитация корневой морфемы), графическую и цветовую актуализацию ударного сегмента слова, звуковые ассоциации – все это способствует декодированию зашифрованной информации, извлечению заданного смысла.

Обратимся к «наносемантике». Наносемантика слова, то есть экспликация его мельчайших семантических нюансов, в полной мере возможна только при условии когнитивно-дискурсивного подхода к семантическим явлениям. Традиционная методика компонентного (семного) анализа лексического значения слова, по сути, нанотехнологична. Цель компонентного анализа – расчленение семантического объема слова на минимальные единицы. Сема как «мельчайшее образование с заранее заданными свойствами» представляет собой, в нашей терминологии, наночастицу язы-

ковой семантики. Компонентный анализ важен для выявления когнитивной структуры слов, манифестирующих тот или иной сегмент ментальной сферы носителя языка. Например: *уныние – фрустрация, эйфория – энтузиазм, ненависть – неприятие – враждебность, испуг – паника – ужас*. Классический пример – древнегреческая градация любви: *эрос* (чувственная любовь, влюбленность, страсть, любовное влечение), *сторгэ* (любовь-нежность), *филиа* (любовь-уважение), *агапэ* (деятельностная, одаряющая, бескорыстная любовь).

Наносемантика оказывается востребованной в условиях изменяющегося «лингвистического ландшафта», стремительно пополняющегося разного рода заимствованиями. Трудно обойтись без нанотехнологических действий как когнитивного инструментария для рассмотрения процессов адаптации заимствований, таких, например, как *тьютор* и *наставник* (*тьютор* – носитель особой педагогической позиции, обеспечивающей разработку и реализацию индивидуальных образовательных программ, *наставник* – руководитель, учитель, воспитатель), *монитор* и *дисплей* (*монитор* – комплексное устройство, *дисплей*, или экран – часть монитора) и мн. др., которые в речевых практиках подвергаются псевдосинонимизации.

Наносемантика слова проявляется в условиях активных общественных процессов, сопровождающихся появлением новых слов, которые проявляют картину мира современного человека. Так, слово *лузер* (англ. *loser* – неудачник, проигравший) приобрело широкую популярность для обозначения социального явления

– бинарного членения общества на две категории: лузеры (люди, считающие себя или считающиеся «проигравшими» жизнь) и нелузеры. Блестяще проведенный Э. Лассан дискурсивный анализ лексической бинармы, возникшей в результате трансформации заимствования (Лассан 2011, с. 62–80), на наш взгляд, можно считать примером дискурс-анализа с применением, по сути, нанолингвистического метода. В результате подробного, обстоятельно иллюстрированного разбора современных дискурсивных практик автор определяет признаки лузерства и отличия русского *неудачника* от его английского собрата.

Специфику общественных ментальных процессов, отражаемых в слове, прекрасно иллюстрирует эссе Г. Г. Гусейнова «Как русский язык помогает преодолеть европейский финансовый кризис?». Приведем текст с некоторыми купюрами: – *Ну что, евро-то накрылось? Этот вопрос задал мне на днях соотечественник, узнав про устрашающее падение курса евро к доллару на фоне новостей из Греции. Хотел я, было, переспросить: а ведь евро, кажется, мужского рода? Но осекся. Всем известна эта ошибка. <...> Когда эта денежная единица появилась на свет, она, вопреки логике русского языка, была объявлена мужчиной. <...> И не надо волноваться и учить друг друга, что грамматический род не имеет никакого отношения к физическому полу. Кое-какое-то все-таки имеет. <...> Как только из Евроландии пошел дым, мои еврозабоченные знакомые, не сговариваясь, понизили курс этой валюты в языке. Еще вчера он казался им настоящим мужчиной. А сегодня*

*это какое-то непонятное оно. Вроде песо какого-нибудь. <...> Как удвоение согласных есть тихий сигнал почтения, так и директивное присвоение мужского рода слову, обозначающему нечто явно рода среднего, это знак повышения статуса самого предмета. Могут сказать, к чему, мол, заморачиваться из-за такой ерунды? Какая разница, как называли немецкую или финскую марку, французский или бельгийский франк, если они давным-давно растворились в этом самом евро? **Неужели не на что больше потратить умственную энергию, пусть скромную, чем на эту нанолингвистику** (выделено нами. – Л. С.)? А это такая мелочь, в которой многим хочется иметь ясность, потому что только тут ясность и возможна. <...> И тут мы подходим к самому интересному: евро в современном русском языке – это вообще не одно слово, а целых три. <...> Стало быть, евро в мужском роде – это как бы бабло, или некая собирательная валюта? А в среднем роде с ударением на «о» – конкретные, вот эти, деньги? Однако же и тут русский человек немножко на слово надавил и получил из него третью сущность, женскую ипостась – евр^у. «В последнее время, – читаем на одном валютном форуме, – ни бакс, ни евра доверия не внушают». Или вот эдак еще сказанут: «Рынки походу сдохли совсем – ни евра, ни нефть, ни наш рынок уже не реагируют на хай в СиПи». На жаргоне трейдеров, стало, быть, никакой он ни евро и никакое оно не евро! Она у них евра. Как на жаргоне железнодорожников слово «путь» женского рода, так и финансисты говорят о евре. И давно. Почему профессиональный комп^{ас} тру-*

женников орла и решки указал на женский род, сказать не берусь. Но факт остается фактом. Вот такая Чегевара (<http://lenta.ru/columns/2010/05/17/euro>).

Для понимания того, как текст «подстраивается» под мысль о постепенном понижении статуса евро, нужен ряд действий именно нанолингвистического характера (выделенное нами упоминание автором нанолингвистики, скорее, можно отнести к риторическому приему «антифразис»): «послойный» анализ гетерономинативности – синхронно-диалогического варьирования номинаций в обозначении денежных единиц; формы обращения к свидетельствам «внешней» лингвистики (читаем на валютном форуме, на жаргоне трейдеров) для выстраивания расширенной парадигмы номинаций с тем, чтобы найти новые аргументы для объяснения «родо-половых» дифференциальных признаков в наименованиях европейской денежной валюты. Демонстрируется контекстуальное варьирование семантики языковой единицы, фиксируется динамика изменений как результат совмещения языкового знания и знания, имеющегося в социуме. На наш взгляд, без нанолингвистического подхода невозможно разобраться в языковых «сигналах» проявления такой «загадочной» ментальной сферы, как ироническое мышление. Тонкости иронического мышления в рассуждении Г. Г. Гусейнова можно усмотреть в несобственно-прямой речи, представленной в незаметном («бесшовном») объединении авторского и неавторского сознания (как бы бабло, конкретные деньги, комп^{ас}); в окказионализмах *Евроландия*, *еврозабоченные*; в авторской трансформации

идиомы «орел и решка»; в завершающем «поло-родовом» пассаже *Вот такая Чегевара*. Иронию как дискурсивный прием можно отнести к наноблендингу – смещению квантов информации из разных (несовместимых) ментальных пространств для получения текстовой среды с необходимыми характеристиками. Ирония открывает неограниченные возможности для совмещения множества ментальных пространств, понимание и интерпретация которых требует внимания к тонкостям «материального» устройства текста.

В психологии и в теории коммуникаций широко используется понятие *double bind* (дабл бинд) – «двойное послание», «двойная связь», «двойная ловушка». Классический пример – коммуникативная ситуация, в которой субъект получает взаимно противоречащие указания, принадлежащие к разным уровням коммуникации, например, требование: «Приказываю тебе не исполнять моих приказов». В межличностном общении *double bind* создает ситуацию напряжения ввиду парадоксальной несовместимости оценочных критериев и поведенческих предписаний. Например: *Я еще не знаю свою невестку, но уже не люблю ее. Мэри, поднимись в детскую, посмотри, что там делает этот шалопай и накажи его*. Этот концепт в полной мере проявляет себя в политических коммуникациях. Методология *double bind* используется для выявления противоречивости, абсурдности и парадоксальности политической коммуникации (Поцелуев 2008). В ситуации *double bind* действует принцип «экстремально малых воздействий»: изменение одного параметра

системы обуславливает значительные изменения всей системы; при этом «чем меньше изменение параметра, тем более кардинальные изменения происходят в системе» (Белявская 2007, с. 12). Коммуникации, строящиеся по типу *double bind*, демонстрируют приемы наноманипуляций: «на молекулярном уровне» можно выявить «совмещение несовместимого», обманчивое подобие (или уподобление), смысловую разноуровневость сообщения – все то, что может быть названо «идеологическим симулякром», например, употребление в одном тексте слов *народовластие* и *демократия* с кажущейся идентичной семантикой (Лассан 2011, с. 58–62). Названные слова соотносятся с разными идеологическими полями, поэтому предполагать одновременное сосуществование *народовластия* и *демократии* значит говорить об идеологически невозможной ситуации.

Такие признаки политического дискурса, как референциальные девиации, фидеистичность, эзотеричность (Перверзев, Кожемякин 2008) могут быть эксплицированы с помощью наноаналитического инструментария.

О лингвосенсорике. Система восприятия, включающая зрительную, слуховую, звуковую, обонятельную и осязательную подсистемы, рассматривается в ряде наук: в психологии, психотерапии, психосемантике, нейрофизиологии, нейро-лингвистическом программировании (НЛП). Свою нишу в этом ряду по праву занимает сенсорная лингвистика, которая «напрямую выводит на феномен нанолингвистики» (Харченко 2008). Лингвосенсорика – область лингвистического знания, занимающегося языком

перцепции, вербальной репрезентацией показаний пяти органов чувств (Харченко 2012). Сенсорный уровень когнитивной интерпретации справедливо оценивается как базовый, исходный для всей когнитивной сферы (Барабанщиков 1999, с. 91). Нанотехнологическая спектрология свидетельствует, что одно и то же вещество, облученное ультрафиолетом, дает широкий спектр цвета, и неделимое начинает делиться. Человек воспринимает 7 тысяч цветов, назвать может лишь небольшую часть. Одорология (наука о запахах) и связанная с ней ароматерапия рассматривают влияние ароматов на психическое и физическое состояние человека (Панченко 2003). Представления о запахе формируются «в зависимости от числа образовавшихся связей, электронной плотности зарядов, их взаимного расположения» (Славин 1995, с. 7). Взаимное расположение, число и плотность связей обнаруживается на вербальном уровне в передаче тончайших оттенков цвета и запаха. *Искристобелый, «топленое молоко», светлосочный, «золото», светлокоричневый, светлосерый, «серый сланец», темнозеленый, красный, «вишня»* – вот небольшой фрагмент названий цвета, используемых в дизайнерских бумагах из каталога компании «Комус» (<http://www.comupart.ru/article.aspx?id=16543>).

Психологи и лингвисты отмечают иерархический характер компонентов сенсорной системы: слух и зрение – основные перцепции. Примеры вербализации перцептивного опыта свидетельствуют о взаимоналожимости чувств и ощущений: запахи мы слышим, ощущаем на вкус, на вес (*тяжелый*

запах), оцениваем их температурные характеристики (*холодный запах*); звуки воспринимаем акустически, ощущаем на вес и цвет (*белый звук*). Синестезия как психофизиологический феномен и вербализованный продукт относится к числу нанообъектов. Тексты, показывающие «высокую плотность рецепторов» через лексику чувственного восприятия (Григорьева 2004), относятся к числу «наногенных» текстов. Синестетики способны к эстетическим переживаниям чувственного опыта, писатели фиксируют такого рода способность в полимодальном дискурсе – описании одновременного восприятия объекта разными органами чувств. Вот одна из иллюстраций: *Но надеюсь, и это точно: весна идет и выкинет меня опять наружу на свет божий. Чем? Да своим вторгающимся разнообразием окрестного мира. Вот уже сколько разного – сравнительно с лапидарной и монументальной простотой и однообразностью зимы – слышу, чую, вижу: воздух многолик и многослоен от разных тембров птичьих; малый морозец, но влажный, промозглый – пронизывает насквозь; чудно это: зимой в сильный мороз в той же одежде чувствуешь себя крепко бронированным, а тут – беззащитным, пронизываемым* (Гачев 1994, с. 190)

Таким образом, лингвосенсорика имеет своим объектом целый «наномир», ориентированный на дифференциацию оттенков и тонкость в передаче ощущений. Эвристика «вчувствования» – это способность передавать впечатления от цвета, запаха, вкуса, что особенно значимо в условиях дефицита сенсорных образов в современных речевых практи-

ках. В этом случае нанолингвистические интерпретации могут помочь в восстановлении сенсорной энергии – энергии комплексного видения и умения «различать оттенки, дарованные природой» (Харченко 2006, с. 457). Нанолингвистический подход может стимулировать развитие когнитивной и рефлексивной способности личности.

О нанолингвистическом устройстве поэтических текстов. Широкие возможности для нанолингвистических интерпретаций предоставляет поэтический дискурс. Субъективное семантическое пространство поэта пребывает в своеобразной ноосфере: высвобождается скрытая энергия слов через их взаимное расположение, и создается свой мир упорядоченных структур. Происходит «самосборка» картины мира через «манипулирование атомами». Здесь уместно применить понятие дисперсности¹ (лат. *dispersus* – рассеянный, рассыпанный; химическая, физическая величина, показывающая степень раздробленности вещества на частицы). Семантическая переключка дистантно расположенных в стихотворении слов с заданными для смыслового сближения свойствами можно квалифицировать как «поэтическую дисперсность» (терминологическое сочетание наше. – Л. С.). В качестве примера приведем фрагмент интерпретации Ю. И. Левиным семантических переключек в стихотворении О. Мандельштама

«В игольчатых чумных бокалах...». Вот полный текст стихотворения:

В игольчатых чумных бокалах
Мы пьем наважденье причин,
Касаемся крючьями малых,
Как легкая смерть, величин.
И там, где сцепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит –
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.

Переключка *малых – легкая – бирюльки – в люльке – маленькой* порождает сквозную тему «малое, легкое», с которой переключается тема «хрупкое» – *в игольчатых... бокалах*; «игольчатость» в свою очередь несет тему «колючее», которая в соседстве со словом *чумных* приобретает оттенок жесткости и переключается с *крючьями*. Осуществляется переход к теме смерти: *чумных – смерть*. Монтаж *чумных – крючьями* (поддержанный звуковым повтором *чум – учм*) порождает образ смерти-чумы: *крючья*, которые осмысливаются в ближайшем контексте как крючки для бирюлек, становятся одновременно и орудием для стаскивания чумных трупов. Тема смерти связана с темой «малое, легкое» и через сочетание *легкая смерть*; подобно *крюжьям*, слово *легкая* становится в контексте стихотворения полисемантическим: кроме фразеологизма связанного значения (безболезненная) оно обретает и свое прямое, словарное значение (отсутствие тяжести) (Левин 1975, с. 227–228). Семантические переключки обеспечивают внутреннюю целостность стихотворения.

Одна из основных тенденций развития поэтического языка последних лет – «переформатирование материи», то есть переосмысливание и наделение новыми свойствами всех языковых элементов –

¹ Дисперсные системы – образования из двух или большего числа фаз (тел) с сильно развитой поверхностью раздела между ними. В Д. с. по крайней мере одна из фаз – дисперсная фаза – распределена в виде мелких частиц (кристалликов, нитей, пленок или пластинок, капель, пузырьков) в другой, сплошной, фазе – дисперсионной среде (БСЭ).

«от звука (фонемы) до целого стихового ряда», в результате чего «возникает новое представление о дискретности языковых единиц» (Фатеева 2004, с. 79). Дискретность (лат. “discretus” – разделенный, прерывистый) языковых единиц в стихотворении сравнима с квантовой теорией перемещения атомных ядер относительно друг друга, с колебанием ядер. Нанолингвистический подход к дискретным языковым знакам может способствовать выработке необходимых алгоритмов интерпретации стихотворных текстов.

Процедура «сборки объекта» в полной мере проявляет себя в авангардной поэзии, демонстрирующей свойства языка в экстремальной языковой ситуации. Свойства большого массива авангардных текстов основываются на «наноразмерных структурах». С. Соловьев определил поэзию таким образом: «Это предельная концентрация, цыпочки моего существа, это втягивание себя в ушко невозможно, выход за свои пределы, это – всегда – катастрофа» (Соловьев 1993, с. 215). Приведем характерные для этого поэта примеры «наноструктур».

Поэтическая лимология (лимология – наука о границах) – манипулирование «веществом» слова, нарушение его границ в результате «молекулярных трансформаций»: *Проснись, моя милая! Чаю / горячего выпьем с тобой и в пут- / ь... Слова. Остальное – молчанье* (с. 137).

Трансформация физических границ слова способствует аттракции двух денотативных пространств – пути и пут.

Интегрирование сегментов номинаций разных денотатов в слово: «...*Есть ли жизнь на Марксе?*» – / *Отвечаю. Земля, марксиане всех стран / пятипалы,*

рождаются в пиве, / и в пиво уходят». – *Сестра! – Я – сестра, / моя жизнь сегодня в разливе*» (с. 137). *Стрелки движутся ошупью. Ты в раствор / окунаешь лакмус; / лакомое воровство, Себастьян Бахус* (с. 123). К этим примерам можно применить оценки самого автора – «*крошечный демонтаж*» (с. 82); «*Открытое множество: // каждая точка для остальных // является внутренней. ... В каждой точке есть форточка*» (с. 94).

Разложение «вещества» имени, собственная «математика» заполнения матричных клеток: *Я – избранник, а ты – моя пани. / И все выше идем мы: я – Лиля, ты – Брик. / Или так: я – Франциск, ты – Ассизский* (с. 136). *Ты – дисциплинарная матрица Южной школы / типа Шолом Алейхема минус Алишер Навои* (с. 97).

Лексико-грамматические аппликации: *Все смелее, все глубже, все чаще, / и все нищие, и нищие, и нищие...* (с. 135).

Экспликацию нанотехнологических действий находим в стихотворении «Во фразе Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ». Сравним первую и последнюю строфы:

Во фразе Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ
есть два вагона и локомотив.
В перспективе сводит их к нулю
говорящий стоп-сигналами мотив.
.....
сорвать с тебя мундир, и разметать
предлоги рук (пробел), и прилагать
союзы губ, и пить глаголы тел,
ЛЮЯ ТЕЯ БЕБЛЮ ЯЛТЕЛБ!

Такие свойства авангардной поэзии, как антиномичность, неопределенность, парадоксальность могут быть показаны и доказаны с помощью методов нанолингвистики. Поэт осуществляет прорыв к означаемым, минуя означаю-

щие – происходит внереференциальное конструирование.

Границы применимости технологий нанолингвистики могут быть расширены, что приведет к пополнению эвристического исследовательского ресурса. Методы нанолингвистики особо значимы для нескольких научных направлений, появившихся относительно недавно и находящихся на стадии накопления исследовательского опыта. К числу таких наук относятся: **лингвосенсорика**, в ее фундаментальных и прикладных аспектах (Харченко 2012), **лингвистика креатива** (Лингвистика креатива 2010), **теория «лингвистического ландшафта»** как динамической синхронии, формирующей новую реальность, в которой объект рассматривается как процесс (А. Кирилина). Каждая из названных областей научного знания направлена на «освежение терминологического инструментария» (В. К. Харченко). Формирование перцепции требует тщательного анализа «минималистских» семантических признаков разных чувств и эмоций не только на семантическом уровне, но и на уровне когнитивно-эмотивном. Лингвистика креатива ориентирована на поведение человека в языке, на языковую личность как «продукт» речевой деятельности. Технологии развития креативной личности – это и технологии работы «человека играющего» (*Homo Ludens*) со словом, с текстом, поскольку языковая игра требует понимания тонкостей в выборе и комбинировании языковых средств. Понимание «лингвистического ландшафта» как динамической синхронии требует учитывать тонкие изменения в языковой картине мира и в языковом сознании представителей социума.

Нанотехнологические инициативы могут быть связаны с изучением номинации как речемыслительного процесса; с проблемой перераспределения сем в разных типах дискурса; с характеристикой природы познавательной рефлексии через селективное отношение к слову, проявленное в метаязыковом комментарии, свидетельствующем о языке как индивидуальном знании (Пшенкина 2012). Нанотехнологии важны для анализа переводческого дискурса, поскольку они могут помочь в преодолении лакун и когнитивного диссонанса как следствия неодинакового протекания ментальных процессов в разных культурах (Волкова 2010). Формы интертекстуальных включений, как и другие виды непрямой коммуникации, также могут быть типологизированы на нанотехнологической основе: «смыкание смысла» (М. Бахтин), проявленное в интертекстуальности, требует согласованного множества когнитивных операций по причине многообразия кодирования информации, отсылающей к другим текстам. Язык «под микроскопом» рассматривают специалисты в области лингвистической экспертизы, целью которой является анализ спорных материалов, представленных в текстах: деталей словоупотребления, особенностей стилистического оформления, признаков спонтанности и подготовленности и т.д.

Наши наблюдения дают основание для предварительных допущений относительно перспектив миниатюризации объектов исследования. *Первое допущение*: выход из одномерного видения языковых явлений и фактов через «опыт дифференцирующего разума» (С. Аверинцев), через повышенное внимание к

тонкостям материи языка, детализацию семантических и коммуникативно-прагматических проявлений. *Второе допущение*: размерный эффект» можно считать доказанным только в случае выявления тех свойств языковых единиц, которые не были выявлены с помощью других методик. *Третье допущение*: новые техники интерпретации могут обнаружить новые возможности понимания роли языка в разнообразии ментальных репрезентаций, способствовать усилению когнитивной составляющей в интерпретации дискурса, помочь сформировать «новую понятийную сетку» (Т. Кун).

Nano sapiens в относительно недалеком будущем может стать носителем новой компетенции, требующей знания особых методов работы с разнообразной текстово-дискурсивной информацией. Объяснительные резервы нанолингвистики находятся в дискурсе, то есть в условиях динамической представленности когнитивных, перцептивных и аффективных процессов как микро-стратегий. Нанолингвистическая компетенция может быть сформирована на основе особой тезаурусной системы знаний междисциплинарного характера. Тезаурус в этом случае понимается как

методологическая категория, система, в условиях которой происходит генерирование новой информации (Чернавский 2004, с. 21).

«Нанобудущее принадлежит всем», – считает директор научного центра нанотехнологий профессор О. Л. Фиговский. Лингвисты не исключение. Но мотивированность их участия должна быть подтверждена системными исследованиями в условиях новой парадигмы, что исключает использование языка лишь в качестве плацдарма для апробации новых трендовых технологий. Нужны ответы на множество вопросов: какие текстотипы природно наноструктурированы, с помощью каких методик происходит «считывание» наноинформации, как эта информация помогает соотнести язык и мышление, в чем преимущество нанотехнологического подхода, какие дополнительные знания об объекте могут быть приобретены? Ответив на эти вопросы и ряд других, исследователь получит возможность перейти от дискурса осведомленности к дискурсу посвященности. Наша скромная задача заключалась в том, чтобы показать некоторые исходные возможности для такого движения.

Литература

АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф., 2002. *Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания, культуры*. Москва: Academia.

БАЗЫЛЕВ, В. Н., 2010. *Криптолингвистика*. Москва: СГА.

БАРАБАНЩИКОВ, В. А., 1999. Ментальная репрезентация: динамика и структура. *Вестник РГНФ*, № 2, 89–91.

БЕЛЯВСКАЯ, Г., 2007. Роль экстремально малых воздействий в языке и речи. *Ин: Нано-*

технологии в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность? Опыт создания общего пространства стран СНГ: тезисы междунар. научн.-практич. конф. Москва, 12–13.

ВОЛКОВА, Т. А., 2010. *Дискурсивно-коммуникативная модель перевода*. Москва: Флинта; Наука.

ГАЧЕВ, Г., 1994. *Русский эрос*. Москва: Интерпринт.

ГРИГОРЬЕВА, О. Н., 2004. *Цвет и запах*

власти. *Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах*. Москва: Флинта; Наука.

ИЛЬЯСОВА, С. В., 2002. *Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ*. Дисс. ... д-ра филологических наук. Ростов-на-Дону.

ИРИСХАНОВА, К. М., 2007. Принципы нанотехнологии в лингводидактике. *In: Нанотехнологии в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность? Опыт создания общезо пространства стран СНГ: тезисы междунар. научн.-практич. конф.* Москва.

КИРИЙ, В. Г.; РОГОЗНАЯ, Н. Н., 2009. Математическая модель субординативного билнгвизма. Возникновение интерязыка. *Вестник ИрГТУ*, № 1, 37–42.

КИРИЛИНА, А. В., on-line. *Описание лингвистического ландшафта как новый междисциплинарный метод исследования языка в эпоху глобализации*. Режим доступа: https://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:piSsIoGd6mEJ:cognitive.rggu.ru/binary/object_92.1319436503.58592.object_921319436503.58592.doc [См. 27.03.2012].

ЛАССАН, Э., 2011. *Лингвистика ставит диагноз... Очерк «духа эпохи» в свете данных лингвистического анализа*. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та.

ЛЕВИН, Ю. И., 1975. Лексико-семантический анализ одного стихотворения О. Мандельштама. *In: Слово в русской советской поэзии*. Москва: Наука, 225–233.

Лингвистика креатива. 2010. Коллективная монография. Отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т.

Нанотехнологии в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность? Опыт создания общезо пространства стран СНГ: тезисы междунар. научн.-практич. конф., 2007. Москва.

НИКОЛАЕВ, И. В., 2011. Коммуникация double bind в российской внешней политике (на материале «мюнхенской речи» В. В. Путина). *In: Сборник лучших статей по итогам III Всероссийской Ассамблеи молодых политиков*. Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 173–187.

ПАНЧЕНКО, Е. В., 2003. *Социопсихические и культурные функции запаха в жизнедеятельности человека*. Диссертация ... канд. философских наук. Ростов-на-Дону.

ПЕРЕВЕРЗЕВ, Е. В.; КОЖЕМЯКИН, Е. А., 2008. Политический дискурс: много-

параметральная модель. *Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2, 74–79.

ПОЙЗНЕР, Б. Н., 1998. О союзе гуманитарных наук с синергетикой. *Вестник Томского гос. ун-та. Гуманитарный специальный выпуск*, т. 266, 98–102.

ПОЙЗНЕР, Б. Н.; СОСНИН, Э. А., 2008. Лингводициплинарные концепты: что это такое и как их лингвистика поможет взаимодействию наук. *Аналитика культурологии. Электронный журнал*, вып. 3 (12). Режим доступа: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/427-article_10.html [См. 11.07.2012].

ПОЦЕЛУЕВ, С. П., 2008. Double binds, или Двойные ловушки политической коммуникации. *Полис. Политические исследования*, № 1, 8–32.

ПШЕНКИНА, Т. Г., 2012. Метаязыковой комментарий и его функционирование в различных типах дискурса. *In: Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме*. Материалы Третьей междунар. научн. конф. Барнаул, 52–55.

СИНЕЛЬНИКОВА, Л. Н., 2005. Современные словообразовательные новшества в пространстве модальной рамки текста. *In: Жизнь текста, или Текст жизни. Избранные работы в 3-х томах*. Т. 2. Луганск: Знание, 38–44.

СЛАВИН, С., 1995. О чем говорят запахи? *Знак вопроса*, № 1, 5–13.

СОЛОВЬЕВ, С., 1993. *Пир: тексты, стихи, беседы*. Симферополь: Таврия.

ФАТЕЕВА, Н., 2004. Директория «По», «От» и... «До», или Poetical Language in Progress. *In: Поэтика исканий, или Поиск поэтики. Материалы международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX-XXI веков и современные литературные стратегии*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова.

ХАРЧЕНКО, В. К., 2006. *Словарь богатств русского языка*. Москва: АСТ: Астрель (словарная статья «Оттенки»).

ХАРЧЕНКО, В. К., 2008. Сенсорная лингвистика. *Держава та регіони*, № 4 (сер. «Гуманітарні науки»), 32–37.

ХАРЧЕНКО, В. К., 2012. *Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

ЧЕРНАВСКИЙ, Д. С., 2004. *Синергетика и информация (динамическая теория информации)*. Москва: Наука.

Lara Sinelnikova

Luhansk Taras Shevchenko National University,
Ukraine

Research interests: discourse study, cognitive science, linguistic poetics, public relations, nanolinguistics

NANOLINGUISTICS:

REALITY OF EXISTENCE

Summary

The article is devoted to understanding nanolinguistics as a post-non-classical branch of science which is based on interdisciplinary methodology. Arguments for the existence of nanolinguistics rely on the “scale factor” as a key point: changes in size reveal new characteristics of an object. The nanolevel is founded on special optics, which allow features that are not always seen but nevertheless exist (in an essential way) to be studied, leading to an understanding of the characteristics of the substance’s self-organization and its interaction with other objects, including the possibilities and results of integration. Nanolinguistics searches for ways to thoroughly examine an object. At the same time, previous experience of the interpretation of linguistic phenomena stimulates the subsequent steps of reasoning for accumulating knowledge about the object’s characteristics.

Nanolinguistics is an interdisciplinary field of knowledge, the subject of which can be those units and cognitive-discursive manifestations that are nanostructured, i.e., those that consist of quantities which can be indexed as subtle properties of the linguistic substance. Nanoparticles are revealed by interpreting an object’s layerwise assembly, taking into account its coreferential relations, as a result of which integration into larger-scale systems takes place; microcosm and macrocosm become organically connected.

This article introduces the possibilities of nanolinguistic interpretative actions in the sphere of modern word formation (the new assembly of morphemes to create a new referential basis); in studying the processes of adaptation of loanwords (quasi-synonymy, the variation of interpretations in a new environment); in the evaluation of political communication (the principle of extremely low influence in the situation of a double bind or double trap); in sensory linguistics (the language of perception that reflects subtle shades of the sensory understanding of the world); and in avant-garde poetry (poetic dispersion, or the fragmentation of the “matter” of a word into particles and their combination into new mental images). Prospects for the development of nanolinguistics are indicated.

KEY WORDS: nanolinguistics, nanotechnology, size effect, quasi-morphemes, “double bind”-type communication, avant-garde poetry, sensory linguistics, *Nano sapiens*.

Gauta 2012 05 05

Priimta publikuoti 2012 07 20